

творение. Вся кажущаяся мистичность творчества заключена именно здесь, и это не случайно, потому что так называемый «здравый смысл» всегда отказывался в противоположностях видеть тождество как вещь совершенно невозможную.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

И.А. Ильин

О ТВОРЧЕСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ¹

Вот кто с полным правом требует себе свободы, притязает на нее и добивается ее. Она должна быть ему предоставлена и обеспечена, чтобы никто не смел ему ничего предписывать и чтобы никакая человеческая власть на земле не запрещала ему творить, как

¹ *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т.3. С.431-437.

ему Бог на душу положит... Никакое внешнее указание не должно ограничивать его духовное созерцание; ему не следует говорить «твори так» и «не создавай того-то». Ибо всякая предварительная цензура мешает его творчеству, и всякое предписание пресекает его вдохновение. Если только он достаточно проникнуть чувством ответственности, то всякое постороннее вмешательство излишне. Ибо творчески облагодатствованный человек предстоит высшей власти в высшем измерении; он от нее получает свое направление и ей повинуется; и потому ему должна быть предоставлена свобода творческого усмотрения. Это не есть свобода злодейства или преступления. Это не есть и разнуздание вседозволенности. Это не есть и право на разврат, на пошлость и на безвкусию. Но это есть право *на свободную творческую молитву*; это есть свобода совестного и ответственного Богохваления...

Для таких людей надо делать все, чтобы расширить им земные возможности и облегчить им процесс их творчества. Если такому человеку необходим творческий покой, то надо ему обеспечить тишину и беззаботность. Если ему нужна эта мраморная глыба, чтобы создать из нее «Давида» Микель-Анжело, то надо позаботиться о доставлении этого мрамора в его мастерскую. Если он мечтает о новой, невиданной скрипке, которая будет петь ангельскими голосами, то надо помочь ему в осуществлении этой мечты. Если ему нужен в его лаборатории новый аппарат для регистрации человеческой ауры, то нужно сделать все возможное, чтобы исполнить его желание. Его общение с внешним миром – с природой и с людьми – должно быть по возможности облегчено ему. Надо избавить его от нужды. Надо оградить его от грубых, пошлых, навязчивых людей. Нельзя допускать, чтобы он, подобно Леонардо да Винчи, всю жизнь подыскивал себе прозаический или вульгарный заработок помимо вдохновенного призвания. Он не должен терпеть всю жизнь нужду и биться с долгами подобно Рембрандту, Бетховену, Гоголю и Достоевскому. Нельзя мириться с тем, что его, подобно Шопену, преждевременно сведут в могилу бедность и голод. Непозволительно оставлять его беззащитным в тот опасный час, когда какой-нибудь порочный и злой авантюрист, наподобие Дантеса или Мартынова, покусится на него, как на Пушкина и Лермонтова,

чтобы убить его на поединке. Напротив, его жизненный путь должен быть огражден и сглажен, чтобы он мог свободно предаваться своему вдохновению, создавая свои лучшие произведения и выговаривая свои видения для вечности. Ибо в таком человеке поистине струится Божий поток, а к его словам и песням прислушиваются ангелы.

Аристотель сказал однажды, что человек «свободен от природы» тогда, если он способен *иметь свои мысли*, а не только воспринимать чужие; если же он свободен от природы и вынашивает свои собственные мысли, то он нуждается в «досуге», чтобы вынашивать эти творческие идеи. Понятно, что здесь дело идет не о простых и кое-каких мыслях, но об идеях и концепциях, которые воспринимаются духовным оком и духовным слухом из самой сущности мироздания.

«Досуг» рабочего человека отводится ничего-не-деланию, развлечениям и наслаждениям, спорту или дремоте. Досуг творческого человека посвящается сосредоточенному созерцанию, напряженному труду, истинному созиданию – подчас великой муке, иногда сплошному блаженству. Предаваясь своему «досугу», творческий человек отводит все несущественное, механическое и случайное, чтобы жить только существенным, органическим и необходимым. Он живет не рассеянно, не развлечено, а сосредоточенно. Он освобождает себя от всех субъективных капризов и произволений. Он погружает свой взор во «внутреннее», в глубину; но не просто в пространства своих субъективных переживаний, воспоминаний и фантазий, но в сферу предметного бытия, чтобы воспринять его сущность, чтобы удержать ее и выразить ее в вечной и точной форме. Именно поэтому окружающим его людям кажется, что он «отсутствует» и не видит ближайшего; но это означает только, что он присутствует где-то в иных «местах». Они нередко читают его «мечтателем» или «фантазером» и причисляют его к «грезящим поэтам»...

Лишь немногие, причастные духовному опыту, знают, что он переживает и что в нем происходит, зачем ему нужна свобода и чем он заполняет свой досуг. Ибо на самом деле его внешнее освобождение и его кажущаяся «рассеянность» служат некой *внутренней связующей необходимостью*, и его драгоценные досуги,

которые Пушкин любил обозначать словом «лень», заполнены напряженным созерцанием или духовным вслушиванием. Он, свободный, связан как никто другой; и его свобода служит ему для того, чтобы постигать эти внутренние необходимости и следовать их требованиям. Он совсем не волен выдумывать что угодно; ему не предоставляется произвольно изобретать или «построить» по собственному усмотрению. Он должен *внимать* – «созерцать» и «вслушиваться». Он призван «погружаться» в предмет до тех пор, пока этот предмет не овладеет им. Тогда он почувствует себя в *его власти*; или, познавательно говоря, он почувствует, что видит предмет с силою *очевидности*. В этом состоянии он должен пребывать до тех пор, пока предмет не захочет говорить через него, а сам он не почувствует себя готовым стать «орудием» своего предмета, как бы зажить его «пульсом» и «дыханием». Тогда он получит право и основание выразить пережитое содержание – излить его в форме сонета, романа, сонаты, статуи, картины, исследования, философского «описания», богословского трактата, проповеди, нового закона или зрелого совестного поступка. И тогда его произведение возникнет *через него*, а не только *из него*. Тогда он окажется «цевницей» своего предмета, его посредником и возвестителем. Может быть, даже кто-нибудь услышит в нем арфу Божию.

То, что он воспринимает и созерцает, есть объективная *предметная сущность бытия*, к которому человек должен проникнуть, – *каждый* человек, каждый из нас; ибо каждый из нас призван жить на земле *из самой субстанции и ради нее*, из главного и для главного, а не пылить, задыхаясь от собственной пыли. В самом деле, наша земная жизнь состоит из двух элементов: из несущегося потоком, неисчерпаемого хаоса случайной пыли и из сокровенно сияющей и тихо призывающей субстанциальной ткани. Смысл жизни состоит в том, чтобы мы преодолевали эту хаотическую пыль случайных единичностей и проникали к субстанциальной ткани, чтобы закрепиться в ней. Каждый из нас начинает свой жизненный путь как бы в ночи, окруженный неудобопроглядной темнотою: вокруг жуткая неизвестность, и только там и сям через мрак сверкают и приывают далекие звезды. И каждый из нас призван к тому, чтобы

всмотреться и вчувствоваться в тот единый и единственный источник света, от которого эти звезды заимствуют свое сияние. И, может быть, слишком многие из нас всю жизнь блуждают в этой темноте и выходят к единому Свету лишь после своей земной смерти...

Беспомощны мы, люди в этих земных сумерках, то и дело сгущающихся в полную темноту. А многие, может быть, совсем и не знают о том, что они беспомощны и что им нужна помощь: их лишенность не осознана ими, они не ищут и не добиваются высшего. А между тем творческие люди могли бы им помочь. Мало того: они должны все время помогать, не спрашивая о том, есть ли зовущие на помощь, и кто они, и где они. Они призваны созерцать, вынашивать и отдавать; они должны готовить свои дары и отдавать, рассылать во все стороны свои лучи, – не званые, не прошеные, нередко отвергаемые или изгоняемые, может быть, даже побиваемые камнями. Первый луч всегда беспокоит освещенного, второй – раздражает его, третий оскорбляет; нередко лишь четвертый пробуждает, и тогда уже следующие лучи согревают и исцеляют. А тот, кто был побит камнями, – светит, греет и исцеляет даже и посмертно.

Надо будить в людях *потребность в чистом воздухе Божьих пространств*; надо, чтобы людям становилось душно, тоскливо и горько в пыли их земной жизни, в бессмысленном хаосе их чисто субъективных мелочей. Надо будить в людях волю к священной предметности, к божественным лучам, к духовной радости. Эту потребность надо будить в них как можно раньше, чтобы они не проспали всю свою жизнь в слепоте и темноте. Благородные натуры живут этой волей всю свою жизнь; она подобна в них естественной жажде, которая утоляет только творческим созерцанием. Личный успех в жизни не удовлетворяет их; их «свокорыстие», названное у Аристотеля духовным эгоизмом, ищет сверхличного, высшего, духовного, предметного. Они всю жизнь ищут того пути, который уверенно ведет и приведет их к субстанции, во всем и везде: в вере, в науке, в искусстве, в политике, в личных отношениях с людьми, в службе и в воспитании. Они ищут пути («метода») и находят его; а кто нашел, тот может помогать и призван будить; знает он об этом или не знает – он *призванный воспитатель своего народа*.

Ему, конечно, поставят вопрос, откуда он знает, что он *действительно нашел путь*, что он созерцает «предмет» и видит его *верно*, что он «укоренился» именно в субстанции, а не в своей личной выдумке. Отвечать на этот вопрос каждый творческий человек должен своими *созданиями* и своей личной жизнью: ибо настоящая предметность свидетельствует сама за себя, и свет, идущий от субстанции, из Божественной ткани мира, светит благодатно и убедительно. Но он может ответить и словесно, дать описания и доказательства, ясно и точно повествуя о своем пути и о том, чему и как он научился. Это делали уже многие и великие, и меньшие люди, начиная с Конфуция, Лаотзе и Будды – вплоть до наших дней. Каждый сделает это по-своему, в меру своего дара и искусства. Но если сравнить между собою эти описания и советы, то всякий из нас невольно изумится их существенному сродству.

Однако есть еще один особый признак, по которому можно проверить свою предметность и распознать чужую. Эта та своеобразная новая связь жизненных содержаний, та *внутренняя необходимость*, которая обнаруживается в узренном и пережитом, слагаясь в единое целое. Творческий человек, открывший эту связь и выразивший эту необходимость, знает хорошо, что *не он создал* это новое здание, что он не изобрел его, а только *нашел* как *уже объективно обстоящее*; он изумляется, найдя его, и всю. Жизнь радовался своему «открытию». И потому в нем живет ощущение, что он не «творил», а только «воспроизводил», созерцая и описывая свой предмет. В нем остается чувство, что искомое и найдено было *древне, исконно*, может быть, *вечно*; и что то, что он увидел и выразил, было лишь *вновь найдено* и является лишь *в новом облачении*. Это есть то самое ощущение, которое привело Платона («Менон») к признанию мира идей и которое с тех пор называется по его имени «платоновским созерцанием». Но тот, кто внимательно читает великую книгу человеческого духа, тот найдет это ощущение «вновь узренного древнего обстояния» почти у каждого из великих поэтов, исследователей и философов. В русской литературе это выразил с особенной силой и точностью Алексей Константинович Толстой:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих
ты создатель!

Вечно носились они над землею, незримые оку...
...Много ль в пространстве невидимых форм и неслышимых
звучков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова, и
света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть,
и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье,
лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир
удивленный.

А мы, которым позволено приблизиться к этим созданиям, истинам и деяниям, воспринять их и возрадоваться о них, – мы нередко приобщаемся этому ощущению «обновленной древности», или «древнего в новом облачении», или возродившегося Вечного», и подтверждаем это. Нами овладевает тихое и глубокое чувство «древлепочтенного», «стародавней мудрости», «прекрасной необходимости», Богосозданной сопринадлежности», «блаженного такобытия». Тогда мы от полноты души и духа, и сердца, и инстинктивного чутья произносим этому новооткрытому и очевидно предметному содержанию наше приемлющее «Да» – и чувство счастья овладевает нами, счастья оттого, что нам дано было увидеть это и подтвердить.

Образно выражаясь, можно было бы описать это так. Когда Божии творческие идеи ниспадают из Его вечного лона в хаос грешного и неустроенного мира, то их подхватывает бурный ток смятения, искажает их совершенство и растерзывает их дивный состав. Отсюда возникает высокое задание: узреть каждую из этих идей в ее полном и целостном составе и восстановить ее в ее зрело-совершенном виде. Египетская мифология рассказывает, что когда-то Изида искала по всему свету те четырнадцать частей, на которые было растерзано тело ее супруга Озириса; и вот, находя и составляя их, она не создавала его тела, но лишь *восстанавливала* его в его первозданной красоте. Поэтому каждого творческого человека можно сравнить с ищущей Изидой: он не создает, а лишь воссоздает Божию идею и радуется возможности помыслить Божий замысел,

верно узреть «Закон Божий» и осуществить его. Ему светит целостный облик искомого; его ведет любовь к Божественному; он проверяет себя той высшею необходимостью, которая открывается ему в духе; он наслаждается воссозданием Вечного, он радуется, чуя отблеск Божией благодати в своем создании.

И именно поэтому творческий человек знает лучше всех, что он создает, воспроизводя Божию идею; и потому он непрестанно и напряженно поднимает свой взор к Богу.